

Оценка массового состава космических лучей с $E_0 \leq 10^{18}$ эВ по данным нового мюонного детектора якутской установки ШАЛ

А. В. Глушков¹⁾, А. В. Сабуров

Институт космофизических исследований и аэронауки, Якутский научный центр СО РАН,
677891 Якутск, Россия

Поступила в редакцию 15 февраля 2013 г.

После переработки 14 марта 2013 г.

Исследовано пространственное распределение мюонов с порогом $E_\mu \approx 0.5 \text{sec}\theta$ ГэВ (θ – зенитный угол) в широких атмосферных ливнях с энергией $E_0 \geq 10^{17}$ эВ с помощью нового детектора, расположенного в 180 м от центра якутской установки, который начал функционировать с осени 2012 г. Детектор состоит из 27 сцинтилляционных счетчиков площадью 2 м^2 , работающих автономно. Экспериментальные значения сравниваются с расчетами, выполненными по модели QGSJET-01 из пакета программ CORSIKA. Наблюдается согласие эксперимента и теории при смешанном составе космических лучей со средним атомным номером $\langle \ln A \rangle \approx 2.84 \pm 0.08$.

DOI: 10.7868/S0370274X1308002X

1. Введение. Мюоны с энергиями $\sim 0.5\text{--}1.0$ ГэВ являются очень важной компонентой в широких атмосферных ливнях (ШАЛ), образующихся от космических лучей (КЛ) сверхвысоких энергий ($E_0 \geq 10^{15}$ эВ). Они слабо поглощаются в атмосфере, чувствительны к характеристикам ядерных взаимодействий в процессе развития ШАЛ, а также к химическому составу КЛ. Количество и пространственное распределение мюонов указанных энергий позволяет регистрировать их установками с большими расстояниями между детекторами. На якутской установке ШАЛ непрерывно с 1978 г. регистрируются мюоны с пороговой энергией $E_\mu \approx 1.0 \text{sec}\theta$ ГэВ на удалении от центра 350–1000 м. За это время накоплен большой экспериментальный материал, анализ которого показал [1–6], что ШАЛ с $E_0 \geq (3\text{--}5) \cdot 10^{18}$ эВ развиваются существенно иначе, чем в области меньших энергий КЛ. В работе [7] дана оценка доли первичных гамма-квантов в общем потоке КЛ с $E_0 \geq 10^{18}$ эВ. Недавно мы показали [8], что доля мюонов от полного числа заряженных частиц в ШАЛ с энергией $E_0 \geq 10^{17}$ эВ заметно отличается в разные периоды времени. До 1996 г. она варьировалась возле одного устойчивого положения, а затем существенно увеличилась. Это сопровождалось одновременными изменениями энергетического спектра и глобальной анизотропии КЛ в области энергий $(1\text{--}10) \cdot 10^{17}$ эВ [8, 9]. После 1996 г. интегральная интенсивность КЛ при $E_0 = 10^{17}$ эВ увеличилась за 7 лет на $45 \pm 5\%$,

а затем начала падать. Фаза первой гармоники $\varphi_1 = 119^\circ \pm 18^\circ$ и ее амплитуда $A_1 = 0.030 \pm 0.014$ в выборках 1983–1994 гг. сменились в 1998–2010 гг. на величины $\varphi_1 = 284^\circ \pm 13^\circ$ и $A_1 = 0.033 \pm 0.010$. Все это могло быть вызвано существенно возросшим потоком тяжелых ядер со стороны выхода Местного рукава Галактики после 1996 г. В данной работе представлены экспериментальные данные, связанные с уникальными результатами [8, 9].

2. Эксперимент. Осенью 2012 г. мы проверили техническое состояние действующих мюонных детекторов и включили в работу 27 новых сцинтилляционных счетчиков (толщина сцинтиллятора 5 см, площадь 2 м^2) с порогом $E_\mu \approx 0.5 \text{sec}\theta$ ГэВ, который обеспечивается соответствующей толщиной земляного грунта. Счетчики расположены на расстоянии 180 м от центра якутской установки ШАЛ. Они измеряют амплитуду на выходе фотоумножителя ФЭУ-125 в диапазоне 1–5000 частиц с помощью логарифмических РС-преобразователей с точностью 10% и работают автономно. Калибровка и контроль их работы осуществляются с помощью амплитудных спектров плотностей от фоновых космических частиц [10]. При этом используются интегральные спектры двух видов. Первый из них – спектр от одного из детекторов, который управляется соседним детектором, находящимся в той же станции (спектр “двойных совпадений” с частотой $\approx 2\text{--}3 \text{ с}^{-1}$). Эти станции образуют сетку из равносторонних треугольников со сторонами 500 м. Они отбирают ШАЛ и слушают для определения основных параметров ливня.

¹⁾e-mail: a.v.glushkov@ikfia.ysn.ru

Второй спектр без управления с частотой $\sim 200 \text{ с}^{-1}$ используется для калибровки мюонных детекторов. Оба спектра имеют степенной вид:

$$F(> \rho) \sim \rho^{-\eta} \sim U^{-\eta},$$

где $\eta = 1.7$ и 3.1 в первом и во втором случаях; U – отклик детектора; $\rho = U/U_1$ – плотность частиц в единицах отклика U_1 эталонного детектора от вертикальных релятивистских космических мюонов. Процедура калибровки и контроля заключается в постоянном наблюдении за величиной U_1 всех детекторов путем периодических измерений их спектров плотностей. Для мюонных детекторов это делается дважды в сутки по 10 мин. Если параметры спектров плотностей выходят за определенные пределы стабильности, то детекторы считаются нерабочими и исключаются из дальнейшей обработки данных регистрации ШАЛ.

3. Полученные результаты и обсуждение.

Ниже рассмотрены ШАЛ с энергией $(1.6-10) \cdot 10^{17}$ эВ и зенитными углами $\theta \leq 45^\circ$, зарегистрированные с 7 декабря 2012 г. по 2 февраля 2013 г., оси которых попали в центральный круг установки с радиусом 1 км и были найдены с точностью не хуже 20 м. Таких событий оказалось 186. Энергия первичных частиц находилась из соотношений

$$E_0 = (4.8 \pm 1.6) \cdot 10^{17} [\rho_{s,600}(0^\circ)]^{1.0 \pm 0.02} [\text{эВ}], \quad (1)$$

$$\rho_{s,600}(0^\circ) = \rho_{s,600}(\theta) \exp[(\sec\theta - 1) \cdot 1020 / \lambda_\rho] [\text{м}^{-2}], \quad (2)$$

$$\lambda_\rho = (450 \pm 44) + (32 \pm 15) \lg[\rho_{s,600}(0^\circ)] [\text{г/см}^2], \quad (3)$$

где $\rho_{s,600}(\theta)$ – плотность заряженных частиц, измеряемая наземными сцинтилляционными детекторами на расстоянии $R = 600$ м от оси ливня. Точность определения $\rho_{s,600}(\theta)$ в индивидуальных ШАЛ была не хуже 10%. Координаты оси и $\rho_{s,600}(\theta)$ находились по функции Линсли [11]:

$$f_s = N_s C_s r^{-1} (1 + r)^{1-b_s}, \quad (4)$$

где $r = R/R_M$, R_M – мольеровский радиус. Последний зависит от температуры T и давления P :

$$R_M \approx (7.5 \cdot 10^4 / P)(T/273). \quad (5)$$

Значение R_M определялось в каждом ливне (для Якутска $\langle T \rangle \approx -18^\circ \text{C}$ и $\langle R_M \rangle \approx 70$ м). В формуле (4) C_s – нормировочная константа; N_s – полное число заряженных частиц на уровне наблюдения; b_s – параметр, определенный ранее [12]:

$$b_s = 1.38 + 2.16 \cos\theta + 0.15 \lg[\rho_{s,600}(\theta)]. \quad (6)$$

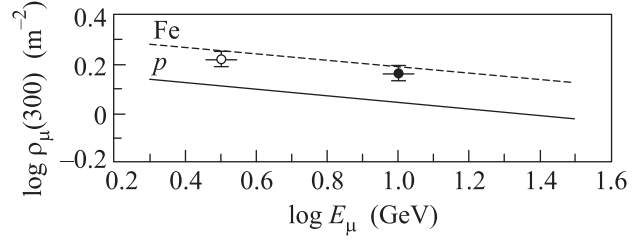

Рис. 1. Плотности мюонов на расстоянии $R = 300$ м от оси ШАЛ с разными порогами регистрации E_μ и первичной энергией E_0 в ливнях с зенитным углом $\cos\theta = 0.9$. Сплошная и штриховая линии – расчеты по модели QGSJET-01 [13] для первичных протонов и ядер железа соответственно. Светлый и темный кружки – экспериментальные величины

На рис. 1 светлым кружком показана плотность мюонов $\langle \rho_\mu(300) \rangle$ в ливнях упомянутой выше выборки с $\langle E_0 \rangle = 4 \cdot 10^{17}$ эВ и $\langle \cos\theta \rangle = 0.9$. Она определялась на расстоянии $R = 300$ м от оси ШАЛ, где достаточно статистики и минимально влияние флуктуаций на изменяемые плотности частиц. Значение $\langle \rho_\mu(300) \rangle$ было получено из средней функции пространственного распределения (ФПР) мюонов, изображенной светлыми кружками на рис. 2. Вертикальные ошибки включают всю их совокуп-

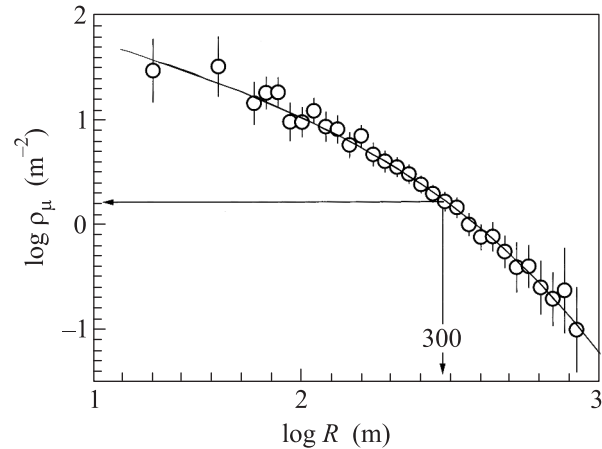

Рис. 2. Пространственное распределение мюонов с порогом $0.5 \text{ sec}\theta \text{ ГэВ}$ в ливнях с энергией $\langle E_0 \rangle = 4 \cdot 10^{17}$ эВ и зенитным углом $\langle \cos\theta \rangle = 0.9$. Кривая – расчет по модели QGSJET-01 [13] для ядер с $\langle \ln A \rangle \approx 2.84$

ность, связанную с построением средней ФПР мюонов. Горизонтальные ошибки отражают тот факт, что земляные экраны мюонных детекторов не являются строго плоскими, а имеют некоторую куполообразность. Поэтому пороги 0.5 и 1.0 ГэВ – это некоторые средние величины по всем направлениям прихода ШАЛ. Линиями на рис. 1 показаны из-

менения плотности $\rho_\mu(300)$ в зависимости от порога мюонов E_μ в ливнях с разной энергией E_0 , вычисленные по модели QGSJET-01 [13] из пакета программ CORSIKA (версии 6.990 [14]) для первичных протонов и ядер железа. Для получения расчетных величин для каждого набора первичных параметров (масса первичной частицы, энергия, зенитный угол) было разыграно по 200 ливней. С целью ускорения расчетов был задействован механизм статистического прореживания (*thinning*) со следующими параметрами: $E_i/E_0 = 10^{-5}$, $w_{\max} = 10^4$. При пересчете в плотность учитывалось число частиц, приходящих на детектор заданной площади. Темным кружком на рис. 1 изображена плотность мюонов с порогом $E_\mu \approx 1.0 \text{sec}\theta$ ГэВ, найденная аналогично тому, как это делалось в [8]. Горизонтальные линии показывают неопределенность порогов детекторов.

Видно, что с учетом различий пороговой энергии мюонов два независимых измерения дали хорошо согласующиеся между собой результаты. Эти данные позволяют оценить химический состав первичных частиц. Рассмотрим для простоты двухкомпонентный состав из протонов и ядер железа. В таком случае соотношение

$$\langle \ln A \rangle = W_p \ln 1 + W_{\text{Fe}} \ln 56 \quad (7)$$

дает весовые функции $W_p = 1 - W_{\text{Fe}}$ и $W_{\text{Fe}} = \langle \ln A \rangle / \ln 56$. В рамках рассматриваемой гипотезы и модели QGSJET-01 имеем

$$W_{\text{Fe}} = (d_{\text{exp}} - d_p) / (d_{\text{Fe}} - d_p), \quad (8)$$

где $d = \lg[\rho_\mu(300)]$ – величины, полученные в эксперименте (exp) и расчетным путем. Из (8) следуют оценки доли ядер железа $\approx 0.71 \pm 0.02$ и 0.78 ± 0.02 соответственно. Они дают $\langle \ln A \rangle \approx 2.84 \pm 0.08$ и 3.12 ± 0.08 на текущий момент времени. Во временном масштабе эти величины подтверждают наметившуюся в [8] после 2002 г. тенденцию к постепенному изменению химического состава КЛ в сторону более легких ядер.

Кривой на рис. 2 изображена аппроксимация [3]

$$\rho_\mu(R) = f_\mu(1 + R/2000)^{-6.5} \quad (9)$$

с известным соотношением Грейзена [15]

$$F_\mu = N_\mu C_\mu r^{-0.75} (1 + r)^{0.75 - b_\mu} \quad (10)$$

рассчитанная по модели QGSJET-01 ФПП для состава КЛ с $\langle \ln A \rangle \approx 2.84$. В (10) $r = R/R_0$ ($R_0 = 280$ м), C_μ – нормировочная константа, N_μ – полное число мюонов на уровне наблюдения (для Якутска 1020 г/см^2), $b_\mu = 1.76$.

4. Заключение. Анализ работы якутской установки ШАЛ осенью 2012 г. еще раз показал, что результаты [8, 9] не связаны с отклонениями ее технических характеристик от нормы, а обусловлены, вероятно, какими-то астрофизическими причинами. Важная информация о составе КЛ заключена в мюонной компоненте ШАЛ. Новый мюонный детектор с порогом $E_\mu \approx 0.5 \text{sec}\theta$ ГэВ еще раз подтвердил это. Оба типа мюонных детекторов дают хорошее согласие ФПП с моделью QGSJET-01 [13] во всем наблюдаемом диапазоне расстояний от оси ШАЛ. Это наводит на мысль о том, что мюонная компонента может сыграть важную роль в перекрестной энергетической калибровке мировых установок ШАЛ, где до сих пор нет ясности в правильности того или иного метода оценки энергии первичной частицы. Мы планируем продолжить слежение за событиями, о которых говорилось в [8, 9].

Работа выполнена при финансовой поддержке РАН по программе “Фундаментальные свойства материи и астрофизики”.

1. A. V. Glushkov, I. T. Makarov, E. S. Nikiforova et al., *Astroparticle Physics* **4**, 1274 (1995).
2. А. В. Глушков, В. Б. Косарев, И. Т. Макаров и др., *Письма в ЖЭТФ* **67**, 361 (1998).
3. А. В. Глушков, И. Т. Макаров, М. И. Правдин и др., *Письма в ЖЭТФ* **71**, 145 (2000).
4. А. В. Глушков, М. И. Правдин, И. Е. Слепцов и др., *ЯФ* **63**, 1557 (2000).
5. А. В. Глушков, Л. Г. Деденко, И. Е. Слепцов, *ЯФ* **68**, 74 (2005).
6. А. В. Глушков, М. И. Правдин, *ЖЭТФ* **130**, 963 (2006).
7. A. V. Glushkov, I. T. Makarov, M. I. Pravdin et al., *Phys. Rev. D* **82**, 041101 (2010).
8. А. В. Глушков, М. И. Правдин, *Письма в ЖЭТФ* **95**, 499 (2012).
9. А. В. Глушков, М. И. Правдин, *Письма в Астрон. журн.* **39**, 83 (2013).
10. А. В. Глушков, О. С. Диминштейн, Т. А. Егоров и др., *Сб. научных трудов*, Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1974, 43.
11. J. Linsley, L. Scarsi, and B. Rossi, *J. Phys. Soc. Japan* **17**, Suppl. A-III, 91 (1962).
12. А. В. Глушков и др., *Сб. науч. Трудов*, Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1976, 45.
13. N. N. Kalmykov, S. S. Ostapchenko, and A. I. Pavlov, *Nuclear Physics B-Proceedings Supplements* **52**, 17 (1997).
14. D. Heck, J. Knapp, J. N. Capdevielle et al., *FZKA 6019: Forschungszentrum Karlsruhe*, 1988.
15. K. Greisen, *Ann. Rev. Nucl. Sci.* **10**, 63 (1960).